весной 1928 г. К сожалению, никаких сведений о его пребывании там не сохранилось. Известно, что в 1928 г. к Горькому обратился Р. Роллан, который, как он писал, «читал» «несколько страниц» Бабеля «с бешеной энергией» (пер. с фр.) [26].

Бабель был не только хорошим писателем, но и не предавал своих друзей. Так, в 1929 г. он, отменив свою личную поездку в Кисловодск, едет в Липецк к сосланному туда по обвинению в троцкизме А. Воронскому. По тому времени это был мужественный поступок.

Конец 20-х — начало 30-х годов были для Бабеля трудным временем. Он переживал творческий кризис, почти не печатался. Тем не менее почти все известные редакторы включают его рассказы в различные сборники, альманахи (см. письмо А. Н. Тихонова Горькому от 28 февраля 1927 г. [27], письмо В. И. Нарбута Горькому от 12 июня 1927 г. [28]). Были и критические замечания в адрес Бабеля. Так, очень резко отозвался о его творчестве С. Сергеев-Ценский в письме Горькому от 15 сентября 1928 г., где писатель возмущался тем, что Воронский «печатно поставил» Бабеля «гораздо выше Льва Толстого» [29]. Писатель Н. Степной (отец А. Афиногенова) еще в 1925 г. писал Горькому, что критики перехвалили Бабеля и он скинут с зенита [30]. Однако сам Горький верил в талант Бабеля.

В 1931 г. Бабель жил в Молоденове, под Москвой, работая там секретарем сельсовета. В мае того же года в километре от Молоденова на даче поселился Горький. Так возобновилась старая дружба. 24 мая 1931 г. Бабель сообщает матери и сестре: «День 22-го провел за городом на даче у Алексея Максимовича. Встретились мы с прежней любовью. Впечатления так сложны, что вот до сих пор не разберусь. Но старик, конечно, такой — какого другого в мире нет» [1, т. 1, с. 316]. «До чего поучительно и приятно его соседство, нечего и говорить... Вспоминается юность, и хорошо то, что отношения, начавшиеся в юности, до сих пор не изменились» [1, т. 1, с. 318],— пишет Бабель сестре 7 июля 1931 г.

Поддержка Горького в это время как никогда раньше нужна была Бабелю. В письмах друзьям Горький высоко оценивает творчество последнего. Так, в письме В. Познеру от 27 января 1932 г. Горький пишет об «отличнейших рассказах» Бабеля [31]. В письме Л. Сейфуллиной от 29 марта 1932 г. он сообщает, что не верит робости Бабеля перед ним, о чем Горькому сообщила писательница: «Бабелю не верьте, выдумывает. Он — умница и отличный человек, его пронзительный талант я люблю горячо, с полнейшей уверенностью опытного читателя жду от него необыкновенных вещей. И никого он не боится, он — себя боится, вот что! Ему надобно сделать какой-то решительный шаг, вот он и покачивается, еще не решаясь. А — сделает, увидите!» [32].

В это же время секретарь Горького М. Будберг активно интересовалась творчеством Бабеля, произведения которого предлагали издать и ставить на сцене за границей. В декабре 1930 г. и начале 1931 г. она спрашивает П. Крючкова, нельзя ли «продать в Америку „Закат“» [33], а в феврале и марте 1932 г. предлагает ему прислать «роман Бабеля» для издания в Англии [34].

Тем не менее травля Бабеля на его родине продолжалась. Сохранилось не опубликованное до сих пор письмо Бабеля Горькому от 5 июля 1932 г. Приводим его полностью:

«Дорогой А. М.

Послал сегодня второе письмо Кагановичу. Я измучен и унижен. Поражать человека в тех областях, в которых поражают меня,— можно только за преступления против государства, против советской власти. Я таких преступлений не совершал, напротив. Не хотелось, не должно говорить этих слов, но вот — пришлось.

Ваш *И. Бабель.*

5/VII 32» [35].